

В этот день Фэн Жун вернулся домой довольно поздно: пусть в поместье еще кипела жизнь, обычно молодой господин появлялся засветло. После заседания у Императора Фэн Жун должен был заниматься делами министерства — но заглянул туда лишь для вида, после отправившись домой. Руки молодого господина замерзли, а ноги ныли от долгой ходьбы: все это время он провел подле Первой принцессы, разговаривая и гуляя с ней.

Едва Фэн Жун переступил порог поместья, к нему подбежала Фэнцзи:

— Молодой господин! — не скрывая радости, поприветствовала она. — Знали бы вы, сколько я вас дожидаюсь! А Мэйцзи и Мэйхуа? Они держат ваш обед теплым больше нескольких шеней! Куань, неужели ты не мог убедить господина отвлечься от государственных дел и поесть?

Куань опустил взгляд: от государственных дел Фэн Жун сегодня решительно отстранился, как и от всего остального. Сам молодой господин же был весел. Он ущипнул Фэнцзи за щеку:

— Чего ты бранишься? Будешь много хмуриться — появятся морщины.

— Тогда вы меня и разлюбите, господин? — плачущим голосом спросила девушка, но тут же спохватилась, когда Фэн Жун направился в сторону павильона матушки Сяоху. — Господин Ли просил меня ждать вас тут, чтобы сказать: как вы вернетесь — зайдите в нему, он поможет решить вашу ссору со старой госпожой.

— Неужели слухи уже расползлись? — удивленно спросил Фэн Жун.

— Мы стараемся не болтать лишнего, но вот служанки старой госпожи!.. Ах, вы и сами знаете.

Вопреки ожиданием Фэнцзи, Фэн Жун не расстроился и не разозлился подобному положению дел: кивнув головой, словно этого он и ожидал, молодой человек пошел в сторону Сада камелии. Внимательным взглядом Фэнцзи заметила, что волосы его, сегодня убранные в высокий хвост, неряшливо разметались по спине, а подол ханьфу запачкан по краю грязью и водой. Девушка бросила вопросительный взгляд на Куаня, но тот не спешил рассказывать произошедшего, с нечитаемым выражением лица следуя за господином.

Ли Инчунь уже дожидался Фэн Жуна: он сидел во внешних комнатах своего двора, облаченный не так, как обычно. Юноша редко покидал комнату, потому по ней перемещался чаще всего в свободных домашних одеждах, или укрывался теплым пледом, когда читал на открытом воздухе: сейчас Ли Инчунь был одет в строгое черное ханьфу, плотно запахнутое под самое горло. Пояс юноши перехватывал строгий пояс с единственной подвеской из белого нефрита, а волосы были убраны в низкий пучок. Так одевались для сдачи императорских экзаменов обычно студенты. В подобном наряде кожа Ли Инчуна казалась еще бледнее, чем обычно, а глаза его, при свете солнца напоминающие благородную яшму, теперь обратились серым гранитом. Юноша отложил книгу и вздохнул:

— Господин Фэн весь в делах: этому скромному человеку даже неловко отвлекать его своими рассказами.

— Господин Ли слишком скромен, — отмахнулся Фэн Жун и тут же любопытно спросил: — Неужели вы что-то придумали? Мне сказали, что вы сможете объяснить бабушке...

— Конечно, смогу, — кивнул Ли Инчунь.

— Тогда я искренне буду вам благодарен, — не сдерживая радостной улыбки, ответил Фэн Жун. Господин Ли в ответ, однако, только вопросительно изогнул бровь:

— За что благодарить? Разве не из-за меня она утром разгневалась? Мне и самому выгодно будет, если старая госпожа не станет болтать почем зря, потому лучше бы объясниться с ней как можно скорее.

— Конечно-конечно, — закивал Фэн Жун и уже дал знак Куаню, чтобы тот помог господину Ли подняться, однако юноша отмахнул. Фэнцзи подала ему деревянную трость, и Ли Инчунь встал самостоятельно.

— Стараниями доктора Линя нога уже не так болит, — сказал юноша. — Не стоит смущать старую госпожу — я дойду самостоятельно.

Фэн Жун заметил, как при движении неуловимо скривилось выражение лица Ли Инчуня, но не стал ничего ему говорить: если юноша решил проявить терпимость, его оставалось лишь поддержать. В душе Фэн Жун радовался: еще этим утром он не знал, о чем переживать следует в первую очередь, а теперь господин Ли решил помочь ему, и удалось завести новое, приятное знакомство... Фэн Жун в самом деле ощущал, что снег, к вечеру вновь лениво принявшийся кружить в воздухе, красив и приятен, а стылый ветер лишь бодрит. Уже стемнело, потому поместье осветили бесчисленные теплые фонари, которые скрадывали трещины на стенах старого дома, выхватывая из шелковой темноты лишь богатые украшения и произведения искусства.

Павильон старой госпожи находился недалеко. Фэн Жун вперед себя послал Мэйхуа, чтобы она сообщила матушке Сяоху о визите, потому тот не был неожиданным. Единственной неприятностью стало то, что рядом со старой госпожой Фэн Жун неожиданно увидел наложницу Чжоу: она расположилась по правую руку от матушки Сяоху и опустила глаза, выглядя, как подобает невестке, покорной и праведной. На Ли Инчуня она бросила лишь быстрый любопытный взгляд.

Фэн Жун не стал долго томить:

— Бабушка, это человек, о которым мы разговаривали с вами утром, — сказал он. Матушка Сяоху возмущенно вздохнула и осмотрела Ли Инчуня, опустившегося перед ней на колени, с головы до ног.

— Зачем ты его сюда привел? — недовольно спросила она. — Неужели хочешь?..

— Госпожа, этот скромный слуга попросил господина Фэна представить нас, — вмешался Ли Инчунь. Он не поднимал глаз, но невероятно чутко заметил, как госпожа Сяоху нахмурилась. — Позвольте рассказать вам о моем пребывании здесь.

В павильоне матушки Сяоху было много кошек: пусть большая их часть содержалась во внутренних комнатах, никто в самом деле их не ограничивал, позволяя ходить, где вздумается. Один кот лежал у ног старой госпожи, тогда как другой опасливо подошел к Ли Инчуню, принюхиваясь к нему. Юноша неспешно сказал:

— Моя фамилия Ли и молодой господин в самом деле привез меня в поместье тайно. Пусть, однако, это не пугает госпожу: я лишь помогаю господину в государственных делах и, недавно, помогал в домашних.

Наложница Чжоу фыркнула:

— Молодой господин красиво говорит, — улыбнулась она. — Однако с чего бы тогда господину Фэну вас прятать?

Фэн Жун нахмурился, чувствуя, как растворяется от взгляда на эту женщину набранное в течение дня добродушие. Ли Инчунь, однако, не дрогнул:

— Дело в том, что в родном уезде я обвинен в расхитительстве, — легко ответил он. — И скрываюсь от наказания.

Фэн Жун едва смог сдержать удивленное восклицание, но выражение лица сохранил ровным: Ли Инчунь спокойно и обстоятельно рассказывал о совершенном преступлении. Из его рассказа выходило, что происходил юноша из простой семьи, с раннего детства готовился сдать императорский экзамен и стать чиновником. Первую ступень он прошел без проблем и занял должность в маленьком уезде: однако из-за попустительства родственникам вскоре оказался обвинен в хищениях и должен был отправиться в тюрьму — если б не вмешательство людей семьи Фэн. Старые друзья Фэн Яо, выросшие под его покровительством, разглядели талант Ли Инчуна и послали его к внуку своего ныне покойного Генерала.

В этой истории все было замечательно: Фэн Жуну оставалось лишь восхищенно про себя восклицать. Позже, в лицах рассказывая о произошедшем посетившему поместье Фэн Пятому принцу, молодой господин улыбался:

— Господин Ли, выходит, был хорошим чиновником, но по юности оказался не лишен мирских желаний, к тому же последовал заветам старших, совершая преступление. Видел бы Ваше Высочество, как он рассказывал о ссорах со своей матерью! Я и сам поверил! Господин Ли проявил почтение к старшим родственникам, но сам потерял должность — бабушку не могло это не тронуть. Кроме того, подчиненные деда напомнили ей о нем, и она окончательно смягчилась: я бы такого никогда не выдумал! Господин Ли, как вам это удалось?

Ли Инчунь, что сидел на кушетке, вытянув вперед больную ногу и с болезненным выражением массируя тонкими пальцами бедро, слабо улыбнулся:

— Госпожа Сяоху старая женщина, а люди с возрастом начинают слишком много о себе мнить, потому обдурить их совсем просто. Не считите за грубость, господин Фэн, но прочесть чаяния старой госпожи было легче, чем развернутый императорский указ.

— Брат Фэн так удивляется, словно впервые видит, как господин Ли лжет, — заметил Пятый принц. Весь вечер он пребывал в дурном настроении. Идя сюда, Фу Ичжэнь рассчитывал, что отрешится от забот, но вместо того наблюдал, как Фэн Жун радовался разрешению собственных проблем. Это человек в самом деле заставлял принца малодушно желать учинить над собой расправу.

Фэн Жун, однако, не замечал направленных на себя убийственных взглядов, потому продолжал болтать:

— Бабушка не могла на него сердиться. Она поругалась немного на меня, что я укрываю у себя пусть мелкого, но преступника: как бы он не был талантлив, ответ перед лицом императора должно держать... Ей, однако, в большей мере все равно, что Ли Инчунь натворил: лишь бы мы не спали в одной постели.

Ли Инчунь на это вульгарное замечание приоткрыл глаза, словно хотел попросить Фэн Жуна не выражаться подобным образом, но, видимо, незамутненная радость на чужом лице подавила раздражение, и юноша, вздохнув, вновь смежил веки. Он выглядел уставшим.

— Самое смешное случилось, когда кошки старой госпожи приблизились к господину Ли, — рассказала Мэйхуа, что оставалась подле Фэн Жуна и разделяла воодушевление своего

господина. — Они обнюхали полы его одежд и улеглись рядом, словно знали его всю жизнь. Старая госпожа, кажется, посчитала, что это хороший знак.

— Он просто спрятал лакомства в складки одежд, — с неудовольствием заметил Фу Ичжэнь.

— Ваше Высочество, не будь таким, — покачав головой, ответил Фэн Жун. — Мы избежали множества проблем: бабушка и наложница Чжоу о господине Ли теперь не станут говорить за пределами поместья и сами же помогут его скрывать, а нам не придется прятаться по поместью. Разве это не хорошо? Господин Ли замечательно устроил!

Ли Инчунь открыл глаза, внимательно посмотрев на Фэн Жуна. Выражение его яшмовых глаз с высокомерно опущенными уголками трудно было разобрать.

— Это простой слуга польщен признанием господина Фэна, — сказал через время юноша. — Однако не стоит быть таким легковверным: по пути к павильону вам стоило бы расспросить меня, что я собираюсь сказать старой госпоже.

— Я немного волновался, но больше от предвкушения, — отмахнулся Фэн Жун. — Все же, господин Ли поразительный, и волнительно было наблюдать за его разговором! Вы даже соврали, что сдавали императорские экзамены...

— Этот слуга действительно сдавал, — уязвлено ответил Ли Инчунь. — Я получил первую степень и готовился к следующей, прежде чем попал в павильон Цветения. Сейчас мои соученики, должно быть, уже состоят на государственной службе.

— Вот как, этого следовало ожидать, — покивал Фэн Жун. — Это в учении господин Ли узнал, как расположить к себе даже кошек?

— Достаточно только посмотреть на человека и немного поговорить с ним, чтобы иметь шанс догадаться об истинных стремлениях и целях, — поучительно заметил Ли Инчунь и тут же добавил: — Что же до кошек: я просто положил лакомства в складки одежд.

Через время Фэн Жун вернулся в свой павильон: как бы не разрешилось все сегодня, этот день не поглотил завтрашний, а к новому собранию, работе и встречам следовало хорошо подготовиться. Глядя на воодушевленного юношу, Фу Ичжэнь не мог сдержать в своей душе зависти, но кроме того холодно размышлял: если теперь Пань Тань обратил на него внимание, будет ли поместье Фэн следующим? И без далеко идущих планов Цзяньняньский хоу был близок с Императором, и из-за его действий Сын Дракона мог решить, словно Пятого принца есть, в чем подозревать — этого допустить было нельзя. Однако и принять предложение о заступничестве Третьего принца означало добровольно влезть на спину тигру, которого нельзя будет остановить. Сам Фу Ичжэнь не представлял ни ценности, ни интереса, но, сделав его своим должником, уплату бесстыдный Третий принц мог потребовать от Первой принцессы...

Ли Инчунь остался сидеть на своем месте: хлопчущая рядом Фэнцзи давно зажгла лампы и принесла горячей воды, чтобы юноша расслабил ноги. От деревянной кадки шел жаркий пар, и Ли Инчунь смотрел на нее некоторое время, прежде чем спросить:

— Ваше Высочество так и останется ночевать здесь?

— А господин Ли смущен? — в том же тоне ответил Фу Ичжэнь. Ему казалось, что в бороде дракона своих мыслей он нащупал верный ответ, но Ли Инчунь безжалостно развеял миг озарения. Пятый принц махнул рукой: — Вы же не планируете отходить ко сну? Занимайтесь чем вздумается, я не стану мешать.

Ли Инчуню хотелось остаться одному. Раненая нога монотонно ныла, словно сжатая железными тисками, и жилы трепетали от желания развеять это ощущение, опустив ступню в горячую воду. С присутствием Пятого принца, задумчиво смотрящего в пустоту, пришлось смириться: одно дело было подшучивать над ним, но Ли Инчунь не мог на самом деле приказать ему уйти. Подавив в душе раздражение, он склонился, принявшись снимать обувь.

Неспешная возня юноши, а после его довольный вздох, когда кожу ласково ужалила горячая вода, отвлекли от размышлений Фу Ичжэня. Он невольно опустил глаза к ногам человека перед собой и замер. Сквозь теплый влажный пар были видны ступни Ли Инчуня и подвернутые до половины голени плотные штаны: с левой ногой все было в порядке, тогда как кожа на правой сморщилась и покрылась глубокими рывинами, словно гниющий плод. Шрам от ожога, похожий на скомканную бумагу, давно уже зажил, а у стопы за снятыми повязками можно было увидеть только начинающую рубцеваться колотую рану.

Фу Ичжэнь невольно задержал взгляд. В шрамах не было ничего красивого, они отталкивали и лицо заставляли невольно кривиться, но не от вида изувеченной кожи, а от призрачного ощущения испытанной боли, что невольно сковывало конечности.

— Ваше Высочество очень любопытный, — заметил Ли Инчунь. Казалось, что он снова откинулся на спинку кушетки, прикрыв глаза, но юноша следил за принцем из-под полуопущенных, влажных от пара ресниц.

Фу Ичжэнь давно понял, что с этим человеком нет смысла казаться праведным, потому без смущения поинтересовался:

— Откуда у тебя ожог?

Ли Инчунь спокойно ответил:

— Вылил на себя горячее масло.

Пятый принц не мог не усмехнуться:

— Видимо, только в словах господин Ли такой ловкий... — но спокойный голос юноши прервал его усмешку:

— Пань Тань мне приказал.

Фу Ичжэнь невольно замер на миг со странным выражением лица, где не успевшая растаять улыбка мешалась с неверием, а потом нахмурился:

— И вы подчинились?

— Вашему Высочеству, верно, никогда ничего не приказывали с ножом, приставленным к вашему горлу.

Буквально — нет, но Фу Ичжэнь от чужих слов будто вдруг в самом деле почувствовал острую кромку у мерно бьющейся под тонкой кожей шеи веной. В любом случае, не было смысла мериться величиной страданий, а от собственного бесстыдного вопроса Фу Ичжэнь вдруг почувствовал себя смущенно: что он теперь должен был сказать? Извиниться? Но ему не за что было просить прощения. Пообещать помочь добиться справедливости? Пятый принц не мог добиться ее даже для себя, как он мог давать такие обещания другим? Посочувствовать? Ли Инчунь скорее откусил бы себе язык, чем принял искренне чужое сострадание.

Через время Фу Ичжэнь с неудовольствием спросил:

— Зачем вы рассказали мне это?

— А мне надо молчать и прятать шрамы? — ответил юноша, игриво изогнув бровь. — К тому же, вы первым принялись шутить над моей неловкостью. Кому неловко теперь?

Пятый принц задохнулся возмущением — пока в своей душе он ощущал искреннюю нежность к сидящему напротив человеку, тот вновь лишь насмеялся над ним! Лицо какой толщины надо иметь, чтобы даже собственные раны использовать как повод насмеяться над другими? Фу Ичжэнь в самом деле не мог этого терпеть.

Его Высочество резко поднялся, раздраженно взмахнув широкими рукавами ханьфу. По краю их были вышиты птицы, что от резких движений принца будто стремились взлететь в черное, словно дно горшка, небо. Ли Инчунь проводил его ленивым взглядом.

Стоило, однако, Пятому принцу приблизиться к дверям покоев, у которых в поклоне замерла Фэнци, раздался спокойный голос:

— Ваше Высочество довольно открыто поддержал Сяоху Даня. Вам теперь следует быть аккуратным.

— Что вы хотите сказать? — не оборачиваясь, спросил Фу Ичжэнь. Ли Инчунь раздраженно выдохнул:

— Не заставляйте меня говорить прямо, словно господину Фэну, — сказал он. Фэнци возмущенно поджала губы от подобного принижения своего господина, но на губах Пятого принца на миг появилась улыбка. Ли Инчунь продолжил: — Лучше вам с Пань Танем теперь не связываться.

— Будто если он того пожелает, у меня останется выбор, — фыркнул Фу Ичжэнь. — Кроме того, что мне в самом деле может сделать хоу? Где сын Императора, а где простой солдат.

— Ох, только не пытайтесь прикинуться идиотом, — вздохнул Ли Инчунь и сказал прямо: — Чтобы противостоять кому-то, для начала следует понять, что ему нужно.

Фу Ичжэнь ничего не ответил. Остаток вечера он, возвращаясь в собственное поместье, ужиная и работая, оставался задумчив. Даочжан Чжунчу, сменивший сейчас подле принца Ян Вэнъяна, пытался было разговаривать с ним или позвать на тренировку, но Пятый принц лишь отмахнулся. Некоторое время даос сидел подле него, читая нанесенные на шелк сутры, но позже ушел — Фу Ичжэнь даже не заметил.

Следующим утром его еще до восхода солнца разбудили слуги, помогли умыться и облачиться. Собрание при дворе Императора начиналось в час ши, потому Пятый принц сразу отправился туда. За прошедшую ночь вновь похолодало, но серое небо не желало рассыпаться снегом, потому улицы покрыты были тонкой коркой льда, на котором оскальзывались торговцы и дети. В мутной дымке дворец Императора стал будто еще мрачнее и больше, на плечи вошедших давя тяжелым молчанием. Даже голоса придворных, советующих Сыну Дракона, не могли развеять гнетущей тишины, потому, когда Цзяннанский хоу вдруг взял слово при обсуждении вопроса празднования близящегося Нового года, каждый его услышал.

— Пусть у министерства обрядов еще достаточно времени, чтобы подготовиться к торжеству, — с легкой улыбкой сказал он. — Уже теперь следует оказать им всяческое содействие. В разных

частях земель Вашего Величества в этот год случилось множество бедствий и вторжений, но влияние от них в меньшей степени коснулось жителей столицы, о чем им следует напомнить. Теперь для каждого важно поддержать намерение Вашего Величества, потому особое внимание важно уделить расточительству и праздности в ближайшем Вашем кругу. Преданность стране Вашего Величества неоспорима, но простые люди могут начать сомневаться в работе Его Высочества Пятого принца.

Тишина задрожала сотней шепотков: каждый понял истинный смысл слов Пань Таня, но никто не торопился подтвердить, или опровергнуть их. Цзяньняньский хоу в последние недели вел себя слишком странно, чтобы просчитать теперь его действия — каждый решил переждать.

Пань Тань между тем встал Императором на колени:

— Чтобы очистить имя Его Высочества, прошу Ваше Величество позволить мне провести проверку работы министерства обрядов. Этот слуга не силен в государственных делах, но если я подтвержу невиновность Его Высочества, горожане поверят моему слову.

«Если», — подумал про себя Фу Ичжэнь. — «"Если", не "когда"». Однако оставаться безучастным, пока обсуждают его, юноша не мог, потому перед возвышением с тронном дракона тоже преклонил колени.

— Ваше Величество, генерал говорит верно: если в глазах ваших подданных этот принц в чем-то виновен, ему следует оправдать себя.

— Это все от того, что ты не интересуешься государственными делами, — с неудовольствием сказал Император. Фу Ичжэнь не поднимал взгляда, но чувствовал, что еще мгновение — и Его Величество согласится. Тогда его мирной жизни точно не суждено будет продолжиться. Невольно Пятый принц вспомнил о шрамах от ожога, которые видел вчера. Человек, причастный к ним, сейчас был к нему так близко, что Фу Ичжэнь коснулся бы его плеча, стоило протянуть руку.

Внезапно сзади послышалось движение и раздался голос, который будто никогда не покидала улыбка:

— Отец, военному человеку не пристало заниматься государственными делами, — сказал Фу Цзя. — Генерал Пань прав, что народ недоволен младшим братом — но что они скажут, если делами брата вдруг начнет заниматься армия? Точно же решат, что пятый брат замешан в чем-то ужасном!

На этот раз зал наполнился согласными вздохами: у Третьего принца было много сторонников, готовых поддержать каждое его слово. Фу Цзя продолжал:

— Этот принц разделяет волнение отца за судьбу пятого брата, потому позвольте мне проследить за ним. Если это дело не выйдет за пределы семьи — всем будет лучше, — Третий принц говорил очень убедительно, что даже Фу Ичжэнь задумался о том, что это будет лучше для всех. Когда Пятый принц повернул голову, чтобы взглянуть на брата, он хитро улыбнулся ему уголками губ.

Маленький театр:

Фэнзци: Господин! Господин! Эти двое, господин Ли и Пятый принц! Они говорили о вас плохие вещи!

Фэн Жун: Ах, ты еще такая наивная. Иногда людям неудачливым и несчастным необходимо сквернословить на других, чтобы почувствовать себя лучше. Они делают это не со зла на меня, но из-за раздражения собственной жизнью - так с чего бы мне на них обижаться?

Ли Инчунь: ...хорошо тем, кого автор любит.

Фу Ичжэнь: *раздраженно кивает*

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1709373>